

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Альберт БАЙКАЛОВ

ТЕНЬ СБИТОГО
ЛАЙНЕРА

Спецназ ГРУ

Альберт Байкалов
Тень сбитого лайнера

«ЭКСМО»

2015

Байкалов А. Ю.

Тень сбитого лайнера / А. Ю. Байкалов — «Эксмо»,
2015 — (Спецназ ГРУ)

С отставным спецназовцем Кириллом Булатниковым связывается бывший сослуживец, а ныне офицер Нацгвардии Украины Тарас Супруненко. Он сообщает, что в Киеве готовится масштабная кровавая провокация, цель которой – дискредитировать Россию в глазах мировой общественности. Агенты Службы безопасности Украины захватили несколько российских офицеров и теперь планируют сбить пассажирский авиалайнер над территорией Новороссии, а пленников представить в качестве боевого расчета зенитного ракетного комплекса, которым якобы и был уничтожен самолет. Кириллу Булатникову приказано перейти границу Украины и с помощью Тараса и группы ополченцев отбить российских военных и вернуть их на родину...

© Байкалов А. Ю., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Альберт Байкалов

Тень сбитого лайнера

© Байкалов А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Хоть убей, следов не видно
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

А. С. Пушкин

Пролог

Конец февраля 2014 г.

Непогода смыла с города краски. Вместе с ними впитались в асфальт любовь, радость и сострадание. Люди стали жестокими и злыми, пропитались жирным дымом крышишек. Тарасу Супруненко стало казаться, будто бурлящая столица оторвалась от реальности, переместилась куда-то за пределы не только Солнечной системы, но и вообще Вселенной. Киев как-то вдруг сжался до размеров Майдана и прилегающих к нему улиц, завис в каком-то параллельном измерении. Здесь словно никогда не было солнца, не улыбались люди. Над этим осколком земной действительности нависли низкие свинцовые облака, которые словно пытались отгородить его от остального мира.

Сегодня Тарас попал в команду одного из лидеров «Правого сектора». Громадный мужик с бритой наголо головой утром взобрался на мусорный бак, перевернутый вверх дном, хищно оглядел бурлящую площадь и осипшим голосом объявил о сборе в начале Институтской улицы.

– Мне только что сообщили, что милиция и «Беркут» планируют прорваться на Майдан через баррикаду, устроенную нами там! – возвышаясь над толпой, вопил он. – Но мы не позволим им этого сделать! Слава героям!..

Сонным стадом народ собрался в указанном месте. У многих на головах были шахтерские, строительные и армейские каски. Среди этой толпы выделялся юнец, напяливший на себя стальной немецкий шлем времен Второй мировой войны, на котором сохранился даже знак дивизии СС. Было видно, как он гордился этим.

«Козел», – равнодушно подумал Тарас, увлекаемый толпой, пришедшей в движение.

– Слава Украине! – завопил долговязый парень, шедший рядом с Тарасом.

На его голову был накинут капюшон, нижнюю часть лица закрывал платок синего цвета, а рукав украшала повязка с символикой «Правого сектора». Боевики националистических организаций предпочитали заменять имена кличками. Среди них были Борман, Ганс и Пиночет. Супруненко знал, что этого молодчика звали Фриц. Тарас не первый раз шел с ним в одной колонне. Сегодня Фриц нес камуфлированную сумку, надетую через плечо.

– Слава Украине! – взревела толпа, готовая снести все на своем пути.

Она пестрой рекой заполняла проезжую часть улицы и затекала на тротуары. Дорога пошла вверх.

– Слава нации! – донеслось откуда-то сзади.

Толпа раскатистым эхом подхватила девиз:

– Смерть москалям!

Тарас накануне охрип, однако вовсе не от того, что скандировал лозунги. Он банально простыл. Конец февраля был промозглым и сырым. Стояние на Майдане, стычки с милицией и ночевки в палатках сделали свое дело. Организм, пусть и закаленный, растратил резервы, не выдержал и надломился.

«А может, и не простуда вовсе? – мелькнула у него мысль. – Просто я сегодня не успел поесть».

Поначалу Тарас считал, что состояние вселенского восторга и радости связано с общим эмоциональным подъемом. Ведь народ делал историю своей страны. Люди, выходявшие на площадь, ощущали себя частичкой великой Украины и ликовали. Однако с некоторых пор он стал подозревать, что таким странным образом действовали на него еда и чай, привозимые прямо к митингующим. Нет, кормили хорошо, можно даже сказать – как на убой. Только вместе с ощущением сытости Тарас испытывал прилив сил и эйфорию, которые постепенно сменялись странной апатией, тяжестью в голове и болью в суставах.

Дома, стоящие по обе стороны улицы, находились на возвышенностях. Дорога, идущая между ними, напоминала русло пересохшей реки с идеально ровными берегами, по дну которого шла толпа. Дубы и клены, росшие вдоль нее, тянули к небу свои голые ветки, словно молили Всевышнего о прощении людей, дружно сошедших с ума. Слева, на тротуаре, пылали покрывки, сваленные в кучу. От запаха жженой резины у людей запершило в горле. Под ноги им то и дело попадались булыжники, куски тротуарной плитки, тряпки, обрывки бинтов. Хрустело битое стекло.

«Как бы чего не вышло, – подумал Тарас. – В этом месте запросто можно устроить какую-нибудь пакость».

Впереди уже был виден пешеходный мост над дорогой. Под ним возвышалась баррикада, отбитая накануне милицией. За ней рассредоточились бойцы «Беркута».

Организаторы этого мероприятия стали подначивать демонстрантов, стараясь перекричать друг друга. Их голоса, усиленные рупорами, эхом отлетали от стен домов, путались и вязли в шуме разбушевавшейся толпы. Кто-то бросил взрывпакет. Захлопали петарды. Из первых рядов вылетела сигнальная ракета, просвистела над дорогой, врезалась в ствол дерева и замялась в ветвях.

Сквозь разрывы, свист, хлопки и вопли людей Тарас различил одиночный выстрел из автомата. Почти одновременно раздался такой же хлопок справа. Стреляли откуда-то из окон домов, стоявших на возвышенностях.

«Дай бог, чтобы в воздух!» – подумал Супруненко, вздрогнул от грохота, раздавшегося над самым ухом, и оглянулся.

Фриц, окутанный сизым дымом, на ходу запустил в сумку руку и вынул сразу несколько крупных петард. Под ногами людей, идущих за ним, валялись ошметки дымящейся бумаги.

«Вот же сволочи! – Тарас ускорил шаг. – А ведь со стороны кажется, будто стреляют из толпы. Вдруг милиция сейчас ответит огнем?»

– Не стреляйте по своим, будьте внимательны! – раздался чей-то вопль.

Люди замедлили ход, однако разобрались, что стреляют свои, и двинулись еще быстрее. Тарас уже почти бежал. Как и большинство тех, кто шел вместе с ним, он не собирался и не хотел драться с милицией. Они просто получали деньги за участие в подобных акциях. Но толпа, напиравшая сзади, в случае чего просто не оставит выбора.

Треск выстрелов усилился.

Тарас оглянулся, размышляя, как быть. Бежать уже опасно. Заметят, и это плохо кончится. Руководители оппозиции знали, что большая часть людей выходит на акции не за идею, а из-за нищеты. Они рассредоточивали в толпе своих преданных бойцов. Молодчики, вооруженные обрезками арматуры, быстро возвращали в строй паникеров и умело справлялись с недовольными.

До баррикады оставалась пара сотен метров. Тарас уже видел глаза бойцов «Беркута». Эти крепкие парни, одетые в черную униформу, стояли в ряд под ажурной аркой пешеходного моста. Вот один упал. Другие, стоявшие рядом, подхватили его под руки и поволокли прочь. За ними начали отходить остальные. Натруженно заревел и стал сдавать задом автомобиль с водометом на крыше.

Демонстранты, шедшие первыми, перешли на бег. Расстояние резко сокращалось. В милиционеров полетели камни. Кто-то бросил бутылку с бензином. Она описала дугу и врезалась в бордюр в нескольких метрах от машины. Милиция ответила мощной струей воды. Однако силы были неравными, и скоро колонна уже оказалась под мостом. Ноги людей заскользили по лужам крови. Толпа стала затекать на склоны. Все дымило, горело, взрывалось, вопило.

Кто-то толкнул Тараса в спину. Фриц снова бросил петарды. Одна из них рванула под ногой Супруненко. От неожиданности Тарас замешкался и не заметил, что первые ряды демонстрантов смяты и повернули вспять.

– Убивают! – завывл кто-то.

Впереди, там, куда отошли милиционеры, слышались ответные хлопки выстрелов. Тарас увидел, что пули не долетают до толпы, начавшей откатываться назад, а врезаются в землю. Особенно отчетливо это было видно на склонах по фонтанчикам земли. Стало ясно, что милиция просто хочет повернуть толпу вспять, что, в принципе, ей удалось.

Тарас стал пятиться задом, почувствовал, что вокруг уже никого нет, развернулся. Народ схлынул с улицы. Кто-то взбирался наверх, к отелю «Украина», другие – на противоположную сторону, туда, где высился Октябрьский дворец. Часть уносила ноги по дороге к Майдану.

Не зная, как поступить, Тарас устремился к обочине, вдоль которой, прикрываясь самодельными щитами, отходила группа мужчин. Голову одного из них закрывала шахтерская каска. В это время снова прозвучало несколько хлопков. Шахтер охнул и скорчился. Пуля прилетела ему в спину, вышла из грудной клетки и пробила изнутри щит. Он открыл рот и повалился на землю.

У Супруненко не было сомнений в том, что по толпе стреляли оттуда, куда она бежала. Это могло означать только одно. Огонь открыли те же самые люди, которые организовали приступ милицейского кордона.

– Скоты! – процедил сквозь зубы Тарас и наклонился к шахтеру.

Тот уже смотрел в небо ничего не видящим, остекленевшим взглядом.

В тот же миг боль молнией пронзила предплечье Тараса. Он вскрикнул, развернулся на месте, повалился на тротуар, но тут же вскочил и устремился на подъем, к гостинице. Подошвы ботинок скользили по жухлому бобрику травы. Каждый шаг отдавался болью в шее. Оказавшись на асфальтированной дорожке, он неожиданно увидел, как из окна второго этажа высунулся ствол винтовки, и тут же прозвучал выстрел. К подъезду уже бежали несколько мужчин в черной униформе и с желтыми повязками на руках.

– Кто это? – спросил Тарас у парня, пролетавшего мимо.

– А шут его знает! – просипел тот. – Но точно не наши. Шмаляют!..

Зажимая рану ладонью, Тарас устремился вслед за парнем. Рукав пропитался горячей кровью. Но остановиться, чтобы осмотреть рану, было нельзя. Надо бежать, пока он может. Тарас поравнялся с парнем. Тот словно неожиданно налетел на какое-то препятствие, широко открыл рот и встал.

– Что?.. – Тарас присел.

Парень рухнул на колени. Кровь потекла из-под кепки, заливая лицо. Пуля попала выше лба, куда-то в темя. Значит, стреляли сверху из окон домов или с крыши. Последние сомнения Супруненко развеялись. Это не случайность, а прицельный огонь по своим. Его ведут провокаторы.

Тарас рванул через заросли акаций прочь с дорожки, однако споткнулся о канализационный люк и упал. В глазах у него потемнело. Он замер. Будь что будет. Бежать все равно некуда, а так могут принять за убитого.

Однако совсем скоро Тарас почувствовал, как силы стали покидать его. К горлу подступила тошнота.

«Надо остановить кровь», – подумал он, перевернулся на бок и, преодолевая боль, стал здоровой рукой расстегивать куртку.

Справившись с пуговицами, Супруненко вновь перевернулся на живот, уперся лбом в землю и с трудом приподнялся. Но перед глазами вдруг все поплыло, и Тарас снова повалился на бок. Слышались крадущиеся шаги сразу нескольких человек.

– Никак наш! – раздался голос над головой раненого человека.

– И что? – просипел в ответ другой. – Нести его собрался? Валишь отсюда надо!

– Погоди...

Тарас по звуку понял, что кто-то присел над ним, и разлепил глаза.

– Ты откуда? – Мужчина средних лет в камуфлированной куртке и джинсах внимательно разглядывал его лицо. – В колонне был?

– А разве не видно?

– Понятно, – задумчиво проговорил мужчина и стал снимать с Тараса куртку.

Тот застонал, едва не потерял сознание от боли.

– Терпи.

– Ганя, бросай его! – заволновался дружок. – Легче добить.

Только тут Тарас разглядел, что рядом с мужчиной, сидевшим перед ним, которого, как оказалось, зовут Ганей, на земле лежит автомат.

«Провокаторы! – догадался он и ужаснулся. – Сейчас добьют, сделают мучеником революции».

– Чего ты такое говоришь? – возмутился Ганя, бросив на дружка осуждающий взгляд. – Сейчас мы его забинтуем, поможем вернуться на Майдан. Пусть людям расскажет, как милиция в них стреляла.

«Суки!» – подумал Тарас.

Провокаторы сняли с него куртку и распороли рукав свитера.

– Ничего страшного, – поставил диагноз Ганя. – Сквозное ранение, вены не повреждены.

В руках у него появился перевязочный пакет. Напарник достал шприц-тюбик промедола.

«Хорошо экипировались, – со злостью подумал Тарас. – А вдруг кто-то из них в меня и выстрелил? Ведь с того места, где был ранен, я прошел почти полкилометра в сторону Майдана, вот и оказался в тылу у этих тварей».

После укола ему стало легче. Ганя проворно перевязал раны.

– Спасибо, – с трудом выдал из себя Тарас и стал медленно подниматься.

Ганя подхватил его за здоровую руку и потянул вверх.

Тарасу сделали перевязь через шею, помогли надеть куртку, вставили в рукав здоровую руку и застегнули пуговицы.

Ганя оглядел результаты своего труда и показал взглядом в сторону площади.

– Пошли!

– Стволы! – спохватился его напарник и поднял на уровень груди руку с пистолетом «ТТ».

– А чего стволы? – Ганя огляделся. – Раньше надо было думать. Спрячем по дороге.

Промедол окончательно привел Супруненко в чувство. Боль отступила, и Тарас направился вслед за этими двумя мужиками.

Однако, не доходя до площади, Ганя встал, оглянувшись на Тараса и сказал:

– Тебе нужно будет подождать.

– Кого?

– Нас. – Он перевел взгляд на своего дружка. – Или мне одному за носилками сходить?

– Какие носилки? – не понял его напарник.

– Зяба, включи мозги! – Ганя постучал костяшками пальцев себе по лбу. – Сейчас к центру стекаются все журналюги. Внесем его на Майдан для большего эффекта.

– Зачем меня нести?! – возмутился Тарас. – Я сам нормально хожу.

– Послушай, как тебя там?

– Тарас.

– Тарас, если ты не хочешь, чтобы мы сделали тебя по-настоящему неходячим, то молчи и слушай, что тебе говорят.

– Может, грохнуть его? – неожиданно, как само собой разумеющееся, предложил Зяба. – Уж если нести, так мертвого.

У Тараса от негодования, смешанного с ужасом, перехватило дыхание.

– Да как вы?..

– Не будет слушать нас, грохнем, – заверил его Ганя, насмешливо посмотрел на Тараса и заявил: – Ты жертва, которую мы принесем на алтарь революции.

Зяба прыснул со смеха.

– Ты чего? – удивился Ганя.

– Ну ты и загнул! – восхитился дружок. – Надо записать.

– Держи. – Ганя протянул свой автомат Зябе. – Спрячь до моего возвращения.

– Ты пошутил или правда хотел меня убить? – глядя вслед Гане, спросил Тарас.

– Какие уж тут шутки? – ответил Зяба. – Ты ведь знал, куда шел.

У парня явно были нелады с психикой, которая на фоне эмоционального подъема и вовсе расстроилась, поэтому Тарас больше не задавал никаких вопросов.

Ганя вернулся спустя полчаса в сопровождении двоих парней. Один тащил носилки, второй – большую сумку.

– Давай сюда свою пукалку. – Ганя протянул руку к Зябе, сидевшему на бордюре.

Тот нехотя вынул из-за пазухи пистолет, и Ганя передал его парню с сумкой. Туда же последовал и автомат. Тарасу приказали лечь на носилки.

Майдан бурлил. Это чувствовалось не только по гулу и крикам толпы, но и по напряжению, возникшему в воздухе. Несмотря на то что Тарас лежал с закрытыми глазами, он ощутил взгляды обезумевшей толпы и даже задержал дыхание.

– Что с ним? – раздался чей-то испуганный голос.

– Отойди! – потребовал Ганя. – Не видишь, ранен. Кое-как отбили.

– Уже третьего несут! – простонала какая-то женщина.

– Третьего, – зло повторил Ганя. – А сколько осталось?

– Корреспондент газеты «Би-би-си» Джон Трейн, – раздалось на плохом русском. – Можно пару слов?

– Пожалуйста, – ответил Ганя. – Только быстрее, раненый потерял много крови.

– Кто этот человек? – спросил Трейн.

– Обычный гражданин Украины, которому не безразлично будущее страны, – бойко проговорил Ганя. – У него большая семья, трое детей, но он все равно вышел отстаивать свои права.

«Давай, ври, сволочь, – злился Тарас. – Еще расскажи, что ты меня совсем недавно чуть не грохнул».

– Кто в него стрелял? – продолжал сыпать вопросами журналист.

– Власть! – мгновенно ответил Ганя.

Вымотанный на нет, едва передвигая ногами, Тарас лишь в полночь вернулся домой. Олеся не спала. По ее лицу, осунувшемуся и постаревшему за время его отсутствия, можно было с уверенностью сказать, что и предыдущие ночи были бессонными.

Имея диплом врача, она работала обычной медицинской сестрой, получала зарплату частями. Этих крох едва хватало на то, чтобы заплатить за квартиру да кое-как питаться. Коллектив, состоявший сплошь из коренных украинцев, относился к ней, мягко говоря, с презрением, а некоторые – с нескрываемой брезгливостью.

– Привет! – Тарас попытался поцеловать ее в щеку, но жена отпрянула от него, показала пальцем на руку и спросила:

– Это что?

– Мелочь. – Он попытался улыбнуться. – Упал...

– Ты врать не умеешь, – констатировала Олеся и стала помогать мужу снимать куртку.

Увидев распоротый рукав и бурый от крови бинт, она пришла в ужас.

– Так в тебя стреляли?

– С чего ты взяла? – начал было он, но сдался. – Случайно получилось.

– Пошевели пальцами! – строго потребовала Олеся.

Тарас сжал кулак.

Она тронула его за кисть и спросила:

– Все чувствуешь?

Вместо ответа он выразительно кивнул.

– Иди в ванную и раздевайся! Я сейчас осмотрю рану, – устало сказала жена и исчезла в комнате.

Вскоре перебинтованный и умытый Тарас сидел за столом на тесной кухне, пил чай и слушал нравоучения Олеси.

– Больше никаких Майданов, – сухим, слегка надломленным голосом говорила она. – Не нужны мне такие деньги!

– Брось. – Он поставил чашку на стол и положил руку на ее предплечье. – Скоро все кончится, и я смогу съездить в Россию. Получим сразу столько, что на год хватит.

– Что-то мне подсказывает, что это всего лишь начало, – сказала женщина и покачала головой.

– Что ты говоришь?

– Посмотри, что творится! Все словно с цепи сорвались. Дня не проходит, чтобы к нам в больницу не поступили избитые и покалеченные.

– Может, уедешь? – осторожно спросил Тарас.

– Я тебя здесь одного не оставлю. – Она грустно улыбнулась. – Да и на что ехать?

Глава 1

Головная боль

Лето 2014 года

– Завязывал бы ты, Кирилл Андреевич! – Настя выставила на прилавок бутылку водки, пачку томатного сока и сокрушенно вздохнула. – Такой видный мужик, а гробишь здоровье почему зря.

В магазине больше никого не было, и продавщица позволила себе высказаться.

Булат знал, что эта простая русская женщина, приехавшая в город из глубинки, давно схоронила мужа и сейчас зарабатывала на учебу дочери. Днем она трудилась здесь, а по вечерам убирала какой-то офис. Было заметно, что он ей не безразличен. Но этот мужчина всегда хмурился. Из-за шрама над левым глазом его взгляд казался ей даже немного свирепым. Он до сих пор вызывал у нее робость, о которой давно забыли женщины, эмансипированные городской суетой. Булат часто перекидывался с нею парой фраз, а однажды выбросил на улицу нахамившего покупателя.

– Ты знаешь, у меня пока нет желания завязывать, – неожиданно признался он. – Из армии уйти – это как в другой мир попасть.

– В охрану иди. – Женщина вскинула брови. – Тебя, как бывшего вояку, точно возьмут.

– С моей-то мордой? Да и не для меня это. Раньше бабушки сторожихами работали. Сейчас понаберут здоровых и молодых дылд, те и рады штаны протирать.

– Почему говоришь про возраст и лицо? – зашла с другой стороны женщина. – Тебе ведь чуть больше сорока.

– Не только в этом дело. – Он вздохнул. – Имидж сейчас у нашего брата – не позавидуешь. Все поголовно тупые алкаши да киллеры со свернутой на войне психикой. Если в кино есть отрицательный герой, то им обязательно почему-то должен быть бывший военный или полицейский.

Булат взял свои покупки и вышел из магазина прочь.

Во дворе, за столом, скрытым от любопытных глаз разросшейся акацией, Степан и Ленька рубились в нарды.

Булат подошел, сел на край скамьи рядом, поставил бутылку на землю, сок – на стол.

– Привет, Андреич! – приветствовал его Ленька.

Сорокалетний Леонид Филонов работал охранником. Степан, с которым он играл, трудился в управляющей компании слесарем.

– Здорово! – Булат развернулся, снял с ветки несколько пластиковых стаканчиков, поставил перед собой.

Он задержал на весу бутылку, выжидающе уставился на соседей по дому.

– Вы как?

– Мне на смену завтра. – Ленька покачал головой, не отрывая взгляда от доски.

– Я на работе. – Для наглядности Степан похлопал по сумке с инструментами, стоявшей на скамье.

– Хорошая работа! – Булат усмехнулся, наполняя стаканчик до половины.

– Какая есть, – передвигая фишки, бросил в ответ Степан. – Мне в отличие от тебя до пенсии, как до Луны пешком, а главный инженер последнее предупреждение сделал.

– Повезло тебе, – подхватил разговор Ленька, тряся в кулаке кубики. – Сорок не исполнилось – уже пенсионер.

– В тридцать семь уволили, – уточнил Булат. – Кстати, по болезни.

– Да на тебе пахать можно! – заявил Ленька, бросая кубики. – Пьешь как лошадь, и хоть бы хны.

Булат хотел было спросить, где Ленька видел пьющих лошадей, но промолчал. Знали бы они, как иногда мучительно длинны бессонные ночи, а звон в голове доводит до сумасшествия.

– Опять бухаем? – Размышления Булата прервал голос участкового и хруст веток. – Как всегда, одни и те же!

– Я не при делах! – Ленька поднял руки на уровень плеч. – Мы вот со Степаном в нарды перекинуться решили в теньке.

– А ты, гражданин Булатников, вроде как болельщик?

– Я выпить собираюсь, – спокойно признался Булат, даже не соизволив обернуться.

– В общественном месте? – уточнил полицейский. – Рядом с детской площадкой?

– Там все равно детей нет, да и не видно ничего. – Булат наконец-то перекинул левую ногу через скамейку и развернулся. – Не двор, а джунгли.

– Пошли протокол оформлять, – делая вид, будто расстроен, а процедура ему неприятна, заявил старший лейтенант.

– Давай на месте заплачу?

Участковый без разговоров снял фуражку и протянул Булату. Подполковник запаса бросил туда две сотенные купюры. Полицейский водрузил головной убор на место. При этом уголок одной бумажки торчал из-под околыша над ухом.

– Вопрос исчерпан? – Булат выжидающе уставился ему в глаза.

– Нет. – Участковый покачал головой. – Забирай свое хозяйство и вали домой.

– Слушай, возьми еще, только дай воздухом подышать! – взмолился Булат. – Ты же в курсе, я меру знаю.

– Ладно, – сжалился блюститель порядка и махнул рукой. – Сиди. Не надо больше никаких денег.

Полицейский едва успел договорить последнюю фразу, как мощный удар сзади бросил его на Булата и развернул.

Коренастый крепыш, словно невзначай задевший плечом участкового, стремительно прошел по тропинке к столу, встал и заявил с явной издевкой:

– Извините!

На вид не больше сорока. Галстук слегка ослаблен, бобрин коротких волос отликает бронзой.

Участковый отстранился от Булата и развернулся к крепышу лицом.

– Сергей Станиславович, это уже ни в какие ворота!.. Я вообще-то при исполнении.

– Я же извинился! – Мужчина, которого полицейский назвал Сергеем Станиславовичем, удивленно округлил глаза. – Что, опять пьянчуг обираешь?

– С чего решил? – Участковый все еще не мог прийти в себя.

Сергей Станиславович сунул руки в карманы, показал взглядом на фуражку, лежавшую на земле, рядом с которой валялись купюры.

– Забери.

Полицейский наклонился, чтобы поднять головной убор.

Булат неожиданно для себя встал, схватил его за плечо и заявил:

– Ты вот что, Сергей Станиславович, потрудись сам поднять и извиниться.

– Ты смелый или просто глупый? – спросил тот и скривился. – Небось, ты ему сейчас эту мелочевку и отвалил?

– Я долг отдал, – спокойно ответил Булат. – А тебе, гнида рыжая, последний раз говорю: подними и извинись.

– Булатников! – Полицейский попытался убрать с плеча руку, но Булат надавил ему под ключицу.

Участковый охнул и уселся на его место. Булат перешагнул через скамейку и медленно подошел к возмутителю спокойствия.

– Куда ты лезешь? – глядя на него снизу вверх, процедил сквозь зубы Сергей Станиславович, сделал шаг в сторону и бросил старшему лейтенанту: – Какого хрена ты опять моих рабочих проверял?

Булат понял, что его пытаются игнорировать, и решился на крайние меры. Удар напряженной ладонью в ухо был сродни взрывной волне. Затрещали кусты, и крепь оказалась на земле.

Булат шагнул к нему.

– Пошел отсюда!

– Вот это да! – Сергей Станиславович, оглохший от удара, говорил громче обычного. – Ты хоть знаешь, какие проблемы сейчас заработал?

– Не знаю. Но вот если ты сейчас не уберешься, то у тебя они точно будут.

Не сводя взгляда с Булата, Сергей Станиславович медленно поднялся с земли. Он понимал, что перегнул палку, не решился обострять ситуацию, вернулся на тропинку и стал отряхивать костюм.

– Ты еще здесь? – не выдержал Булат.

– Конеч тебе! – пятясь задом, прошипел Сергей Станиславович. – Пока тренируйся молоко через трубочку пить!

– Лучше водку, – с трудом сдерживая смех, выдал из себя Ленка, пунцовый от напряжения.

Он склонился над доской так низко, что почти уткнулся в нее носом.

– Между прочим, это уже статья, – оправившись от происшедшего, неожиданно напомнил о себе участковый. – Угроза убийством. Шел бы ты...

– С тобой тоже поговорим, – заверил Сергей Станиславович. – В другом месте.

– Кто это? – провожая взглядом джип, отъехавший от бордюра, спросил Булат полицейского.

– Это теперь наша с тобой головная боль, – с тоской в голосе сказал участковый.

– Почему?

– Пекарь так это не оставит.

– Почему ты его не удержишь? – продолжал возмущаться Булат. – Этого клоуна ведь под статью подвести легко можно. Я свидетель!

– Это главный спонсор нашего ОВД. – Участковый тяжело вздохнул. – Пекунов Сергей Станиславович, директор компании, которая ведет строительство в районе.

– Чего же директор по кустам лазит? – удивился Булат.

– Беспредельщик. – Участковый наклонился, взял фуражку, отряхнул тулью, собрал деньги и бросил их на стол.

– Сидел? – продолжал допытываться Булат.

– В девяностых. – Полицейский закатил глаза в небо. – Дали четыре, но выпустили по амнистии. Уделал до полусмерти своего рабочего. Бедняге почку удалили, глаз перестал видеть. Пекарь тогда еще отделочной бригадой рулил. Потом его хотели за торговлю оружием привлечь. То ли выкрутился, то ли заплатил кому надо.

– И чем ты ему помешал? – продолжал допытываться Булат.

– Вокруг куча строек, на всех гастарбайтеры. Жильцы со своими жалобами уже вот здесь! – Полицейский провел ребром ладони по горлу. – Пишут, будто с наступлением темноты во двор боятся выйти. Вот мы и прошлись по его объектам. Больше половины работяг – нелегалы.

– Понятно, – кивнул Булат. – Значит, этот Пекарь – нечто вроде олигарха местного разлива?

– Я бы не сказал, – тусклым голосом возразил полицейский. – На самом деле жильё строит другая организация, а этот фрукт перебивается подрядами на отделочные работы. Но деньги у него водятся.

– Ладно, что-то мне наскучила ваша компания. Нигде, кроме дома, спокойно посидеть невозможно, – неожиданно заявил Булат и направился к подъезду.

– А это? – раздался оклик за его спиной.

Он обернулся. Участковый показывал папкой на водку и сок.

– Забыл?

– Расхотел, – отмахнулся Булат и направился дальше.

Глава 2

Камень преткновения

Ильетас, укрытый звездным небом, спокойно спал. Самый тихий город Майорки не раздражал рекламой, здесь не было ресторанов и баров. Он удобно расположился между холмов, покрытых южными соснами, и притягивал к себе не только любителей одиночества и тихого семейного отдыха. Здесь можно было укрыться от преследования полиции и спецслужб.

Именно к этой категории людей относился хозяин роскошной виллы, пристроившейся на небольшом плато. На пяточке размером в половину футбольного поля, зажатом со всех сторон лесом, время словно остановилось. Аркадий Юрьевич Веселов, украинский олигарх русского происхождения, приготовил себе надежное убежище уже довольно давно. Это было заметно по разросшемуся саду, замшелым камням, позеленевшей бронзе небольших ангелочков в фонтане и особенному запаху, присущему только строениям, имеющим какую-то историю. Посреди кусочка рукотворного рая, утонувшего в темноте, стояла беседка. Ее ограждение представляло собой ажурное хитросплетение плюща, винограда и еще каких-то непонятных растений. За столом, ломившимся от экзотических закусок, сидели шестеро мужчин.

Федор Степанович Морочко обливался потом. Он то и дело утирал платком толстую шею и лоб, из-за залысин заканчивающийся где-то на макушке. Однако его мясистый нос и пухлые щеки тотчас снова покрывались бисеринками влаги.

Федор Степанович знал, что дискомфорт вызван не духотой и затянувшимся ужином. Главной причиной было беспокойство, повсюду преследующее его на протяжении последнего времени. Вдали от родины он особенно остро понимал, что за хаос, воцарившийся сейчас на Украине, его организаторам когда-то придется отвечать. В том числе и ему лично.

Депрессия стала усиливаться с конца февраля. Федора Степановича мучили бессонница и ночные кошмары. После каждого события, участником которого он становился, переживания охватывали его с новой силой. Вот и сейчас тремор рук, потливость. Все ли он сделал правильно?

Федор Степанович вновь посмотрел на Веселова, сидящего по другую сторону длинного стола. Олигарх не переставал заливать в себя вино, при этом практически не хмелел. План сделать из Веселова разоблачителя финансовой деятельности бывшего президента Украины был детищем Морочко. Но это только предлог.

Лишь бы Веселов выбрался из своего убежища и приехал в Киев. Тогда Федор Степанович найдет способ вернуть часть денег, похищенных так называемой семьей. Пусть не в казну, так хоть в карман своих покровителей. Глядишь, и ему что-то перепадет.

Недаром Веселова и его дружков по бизнесу знающие люди называли кошельками прежней власти. Они занимали ключевые посты в правительстве и министерствах, контролировали почти все денежные потоки.

Но круг обличителей, из которого предстояло выбрать надежных людей, негласно очертил Запад. Зарубежные покровители не велели арестовывать активы молодых олигархов, несмотря на требования Майдана их раскулачить.

– Что-то вы приуныли, – проговорил Веселов.

– Просто душновато тут. – Федор Степанович изобразил на лице улыбку и неловко развел руками.

С его вилки при этом свалилась оливка, упала на голову Бондаренко, отлетела и покати-лась по столу между тарелок.

– Извините, – промямлил Федор Степанович и смутился.

– Я успел привыкнуть к духоте, – делая вид, будто ничего не заметил, сказал Веселов. – Кругом море. А вообще-то, конечно, у нас лучше.

– Это где? – спросил Федор Степанович. – В России или на Украине?

– Мне кажется, если иметь в виду климат, особой разницы нет. – Собираясь с мыслями, Веселов взял салфетку и прижал к губам.

Было заметно, что олигарх задет вопросом, который подчеркнул его русское происхождение.

«Зря я так! – следя за его реакцией, подумал Федор Степанович. – Вышло так, как будто я ему показал на его место».

– А почему с нами нет вашей супруги? – попытался он сменить тему.

– Надежда Николаевна лишь сегодня прибыла из Москвы в Мадрид и только утром будет здесь. – Олигарх отпил вина. – Да если бы и была, то в такой поздний час она предпочитает застолью сон.

– Ваша супруга находилась в Крыму, да? – спросил Хайкл.

Этот чопорный очкарик был сотрудником американского посольства в Испании и будто бы случайно оказался среди гостей. На самом деле все понимали, что таким образом Госдепартамент внимательно следит за всеми процессами, происходящими на Украине и вокруг нее.

Веселов изменился в лице. Такая осведомленность американца явно разозлила его.

– Меня настораживает, что вы об этом знаете, – заявил он.

– Ничего особенного, – ответил Хайкл от стола. – Просто мне не безразлична безопасность всей вашей семьи. Наверное, Надежда Николаевна решала какие-то вопросы, связанные с закрытием ваших проектов на полуострове?

– Почему я должен там что-то закрывать? – удивился Веселов. – Мои дела вне политики.

– Сейчас в Крыму нет условий для развития бизнеса, – заметил Федор Степанович.

– Я с вами не согласен, – заявил Веселов. – Скоро эта возня вокруг полуострова затихнет.

Федор Степанович вскипел. Он знал, что у Веселова в Крыму есть свои интересы. Еще в начале нулевых он выкупил там несколько курортов, приобрел акции маслобойного комбината и полным ходом вел работы по изучению газовых месторождений полуострова. Сейчас Веселов решил в очередной раз позлить украинцев, приехавших, по сути, с челобитной. Он не переставал наслаждаться своей исключительностью, чем просто бесил их.

– Бред! – Федор Степанович вскочил, но тут же сел на свое место.

– Вы мне не доверяете? – Брови Веселова взметнулись на середину лба.

– Доверяю, – сказал Федор Степанович, разъяренный словами олигарха. – Но что касается так называемого волеизъявления крымчан – это однозначно подтасовка! Я знаю, как проходил референдум. Могу представить, каким образом протолкнули это решение в парламенте.

– И каким же? – осведомился Веселов, склонив голову набок.

– Купила там Москва всех с потрохами, вот и все.

– Так или иначе, но Севастополь теперь наш.

– Помнится, Аркадий Юрьевич, в свое время русские вынудили вас покинуть страну. Почему вы говорите «наш»? – раздался голос Рахильского.

Все как один повернули головы в сторону худощавого мужчины, которого до этого момента словно не замечали. Бесцветные глаза, бледное морщинистое лицо и седина делали этого человека похожим на моль. Арон Александрович был историком, доктором наук и одним из сторонников идеи великих укров. В команду переговорщиков его рекомендовал Коломский, которого почему-то больше всех волновало возвращение олигарха в Украину.

– Хочу уточнить, меня никто не вынуждал. Я сам уехал, поскольку здесь мне комфортнее. – Веселов воткнул палец в стол. – К тому же часть моего бизнеса на Украине. Почему я так говорю? Все просто. Я чуточку патриот.

– Нельзя быть чуточку беременной, – с трудом сдерживая ярость, пробормотал Федор Степанович.

Веселов приподнял бокал, предлагая выпить.

Все нерешительно переглянулись.

– Не зря вы носите такую фамилию, – попытался увести разговор в другое русло Хайкл.

– Вы подумали, я шучу? – Веселов прищурился и покачал головой. – Нет, я сказал на полном серьезе. Севастополь – символ русской славы, и это нельзя не признать.

Напряжение, начавшее было спадать, обрело новую силу.

– Позвольте не согласиться, – проскрипел Рахильский.

– Позволяю, Арон Александрович, – великодушно разрешил Веселов. – Мне даже интересно услышать ваши доводы.

– Как вам известно, ваш покорный слуга еврей, выросший в Севастополе. То есть лицо своего рода нейтральное. Я не состою в родственных связях ни с украинцами, ни с русскими, а тем более с татарами.

– Почти как в Германии – истинный ариец, – пошутил Веселов. – Хотя ваше отчество указывает на русские корни.

– Вы глубоко заблуждаетесь. – Рахильский самодовольно улыбнулся. – Имя «Александр» лишь звучит по-гречески. Оно является чисто еврейским. Многих мальчиков в Израиле называют так в честь Александра Македонского, который не позволил своим войнам разрушать наши святыни.

– Удивлен, – признался Веселов.

– Я начинал свою карьеру на историческом факультете Львовского университета, – не обращая внимания на реплику, продолжал Рахильский. – Мне приходилось работать с историческими материалами, которые невозможно подвергнуть сомнениям. Севастополь прославился в середине девятнадцатого века, одновременно показал слабость России, начисто проигравшей Крымскую войну. Да будет вам известно, что обороной города тогда руководили адмирал Нахимов и простой матрос Петр Кошка. Это они, украинцы по национальности, как ни странно, сделали Севастополь городом русской славы.

– Но оба находились на государственной службе, – заметил Веселов.

– Дворянский род Нахимовых начался с выходца из Полтавы Мануила Тимофеевича Нахименко. – Рахильский пропустил слова Веселова мимо ушей. – Он был прадедом адмирала и сотником Ахтырского слободского украинского казачьего полка.

– Не верю. – Веселов мотнул головой. – Не надо делать из меня дурака. Я знаю, как на Украине с девяностых годов промывают мозги и пишут новую историю. Слышал я и про укров, которые выкопали Черное море и были предками ариев. Так и здесь! Нашли в церковных метриках похожую фамилию и объявили о родстве. Хотя зачем искать? – Он пожал плечами. – Тогда это была Русь. Помнится, что даже Тарас Бульба себя русским называл. Или Николай Васильевич Гоголь тоже врет?

За столом воцарилась тишина. Все ждали, чем парирует историк столь смелое высказывание олигарха.

– Смею поспорить. Потому как факт, упомянутый мною, доказал русский историк, специалист по геральдике и генеалогии Вадим Модзалевский, – стоял на своем Рахильский.

– Это он из пальца высосал, – продолжал упорствовать Веселов. – Да и фамилия у него польская.

– Но это ваш соотечественник! – с возмущением напомнил Рахильский.

– Ну и что? – изумился Веселов. – Сколько сейчас моих соотечественников, тех же российских депутатов, скажут на украинском Майдане? Предатели и провокаторы были во все времена.

– Теперь другой момент, – продолжил Рахильский. – Матрос Петр Кошка родился в крестьянской семье, в деревне под Винницей. Данных о численности белорусов, украинцев и русских, участвующих в обороне города, нет, потому как все они считались российскими воинами. Хотя различия в национальной принадлежности были по полкам. В составе крымской армии имелись Черниговский, Казанский, Донской казачий и Одесский уланский полки. Там воевали гусары из Киева, а бастионы оборонял даже еврейский полк.

– Как же без них-то! – Олигарх повеселел и осведомился: – Так почему тогда Тель-Авив не предъявляет никаких притязаний Киеву?

– Работая над кандидатской диссертацией, я много времени провел в архивах и в Севастопольской морской библиотеке, где можно найти воинские журналы тех лет, – продолжал Рахильский уже с заметными нотками раздражения. – Едва ли не все фамилии в списках украинские. В них же указано место рождения каждого солдата и матроса. Это украинские города и села.

– Но они служили России! – заявил Веселов. – Вот если сейчас гастарбайтеры половину Москвы строят, они что, потом претендовать на нее могут?

– Это Нахимов гастарбайтер? – Рахильский с возмущением отодвинул от себя тарелку и положил руки на стол.

– Я просто сравнил. – Веселов тоже начал злиться. – Тогда было одно государство.

– По большому счету там и немцев было полно! – решил блеснуть познаниями истории Хайкл. – Эдуард Тотлебен, например, создавал фортификационные системы вокруг города. Генералы Бельгард и Даннерберг...

– И вы туда же! – выдал Веселов. – Тренером сборной России по футболу швед был! И что?

– А война с фашистами? – Рахильский подался вперед. – Кто сбил первый немецкий самолет? – Он выдержал паузу и сам ответил на свой вопрос: – Козовник. Это командир зенитной батареи, стоявшей на Херсонесе.

– Вы сейчас мне про героев, которые фашистов били, рассказываете, а посмотрите, что с ними теперь ваши националисты делают, – ловко поддел его Веселов. – На Девятое мая избивают, срывают награды, жгут дома, а за георгиевскую ленточку и вовсе убивают!

– Это совсем не то... – начал было Рахильский, но Веселов уже перехватил инициативу и заявил:

– Севастополь принадлежит Украине всего лишь шестьдесят последних лет, да и то по единоличному решению Хрущева.

Олигарх как будто специально готовился к такому разговору и сейчас просто издевался над своим оппонентом.

– Хрущев приехал в Крым и был ошарашен бедностью и разрухой этого края... – начал было Рахильский.

– Поэтому присоединил его к Украине, на которую работала вся страна, – издевательски закончил за него Веселов. – Не надо мне рассказывать, как и за счет чего восстанавливались республики, разрушенные войной. Из-за Урала везли все, от леса до гвоздей и продуктов. Там всех просили потерпеть, ведь сибирские деревни и города немец не бомбил. Моя бабушка тогда ходила в кирзовых сапогах и питалась травой, сваренной в воде. Кстати, по поводу Хрущева. Вы сказали, что он был поражен! Никита Сергеевич с Марса прилетел или все-таки был главой государства?

– Еще раз повторяю, Николаев и Севастополь – это города исконно украинские, – глядя в стол, процедил сквозь зубы Рахильский.

– А что было бы на месте этих городов, если бы не Екатерина и Потемкин? – не унимался Веселов. – Это они образовали Новороссию, присоединили Крым, Причерноморье и оттяпали восточную часть Речи Посполитой. После побед в войнах с турками к России отошли устья

Днепра, Дона и Керченский пролив. Там построили крепости. Россия без войны, в результате развала Польши, получила Минскую, Волынскую, Подольскую, Гродненскую, Ковенскую губернии и часть Черной Руси с территориями вдоль Припяти. Сейчас это Украина. Почему украинская элита порывается снести памятники Екатерине в Херсоне, Одессе, Николаеве и Днепропетровске? Ведь эти города возникли благодаря ей и Потемкину. Это он заложил верфи для строительства судов в Николаеве. Вы вот вспомнили Нахимова, – зло продолжал Веселов. – А почему ничего не говорите о Румянцеве, Суворове, Кутузове, Ушакове? В результате побед этих полководцев украинцы и русские, жившие на тех территориях, перестали опасаться набегов с юга. Да что там! – Он в сердцах махнул рукой: – А сколько вам Ленин со Сталиным подарили?

Хозяин дома не дождался ответа на свой вопрос. Застолье на этом кончилось. Аркадий Юрьевич отправился к себе, а все прочие двинулись в гостевой домик.

– Федор Степанович, вам не кажется, что этот Веселов сильно русский? – расстроено осведомился Рахильский.

После спора с олигархом он выглядел как побитый пес.

– Зачем вы спрашиваете меня? – Федор Степанович оглянулся.

Нет, сзади никто не шел.

– Сами посмотрите, как рьяно он вступил в спор. – Рахильский покачал головой. – Может, это проект Кремля?

– Бросьте выдумывать! – возразил Федор Степанович. – Вы же сами знаете, что он прав. Рахильский замедлил шаг.

– Я слышу это от сотрудника СБУ?! Что позволило вам так смело говорить сейчас со мной на эту тему? Удаленность от Украины?

Федору Степановичу доставляло удовольствие видеть, как Арон Александрович выходит из себя. Он понимал, что причина его неприязни к этому сторбившемуся и седому человеку заключается только в том, что он не украинец и даже не русский. Евреи для Федора Степановича были чем-то вроде инопланетян. По его глубокому убеждению, именно они являлись виновниками красного переворота в России, результатом которого стала вакханалия, растянувшаяся на целых семьдесят с лишним лет. Эти личности сначала прибрали к рукам весь большой бизнес на Украине, а сейчас умело раскачивали ситуацию. Зря, что ли, его Коломский продвигает? Вон как хорошо чешет. Готовился!..

– Вы пытались выдать за правду фальсификат, созданный лично вами и вашими коллегами. – Федор Степанович брезгливо посмотрел на Арона Александровича. – Вы задели самолюбие этого богатея. А ведь Веселов не быдло, которое может тупо стоять на Майдане.

– Вы считаете свой народ быдлом? – Рахильский рассвирепел.

– Но не ваш же, – успокоил его Федор Степанович. – Я всего лишь констатирую факт.

– Вам доверили столь ответственное дело! – возопил Арон Александрович. – К стенке таких!

– Вот! – со злорадством воскликнул Федор Степанович. – Вы так всегда. Еще со времен Троцкого, когда пришли во власть! Тогда все ключевые посты были заняты вашими людьми, сейчас творится то же самое. Это же надо! – Он вознес руки к небу. – Меня, коренного украинца, на переговорах, проводимых в интересах моей нации, почему-то опекают американец и еврей!

– Значит, вот вы куда завернули! – Линзы очков Рахильского вдруг хищно блеснули. – Хорошо!

– Ничего хорошего! – чувствуя, что не может остановиться, повысил голос Федор Степанович. – Везде, где вы приходите во власть, случается беда. Разве сейчас не так? Или вы будете отрицать, что, начиная от президента и заканчивая вами, идеологами националистических группировок, все как один потомки Авраама?!

Арон Александрович открывал и закрывал рот словно рыба, выброшенная на берег.

Федор Степанович вдруг понял, что совершил, возможно, самую страшную ошибку в своей жизни. Его язык прилип к небу, в горле пересохло. Он поперхнулся последней фразой, схватился за отворот рубашки, с трудом перевел дыхание и начал подниматься по лестнице.

Глава 3

Повестка

Несмотря на уговоры жены, едва затянулась рана, Тарас снова стал ходить на Майдан. Почти сразу после бегства низложенного президента денежный поток стал скуднее, превратился в ручеек. По всей видимости, фашистский переворот и был главной целью заокеанских спонсоров.

Это заметно отразилось на всей публике, обитающей на Майдане. Теперь людям приходилось здесь дневать и ночевать, чтобы перехватить очередную халтурку. Организаторы погромов и митингов стали тщательно выбирать личностей, подходящих им.

Мужчин и женщин, желающих заработать, становилось все больше. Один за другим закрывались предприятия, шли повальные сокращения штатов. Многих просто отправили в бессрочные отпуска. Даже самые ярые сторонники революции стали понимать, что страна катится в пропасть.

Четыре месяца после злополучного похода по Институтской улице промелькнули как один день. Теперь бурлил уже не только Майдан. Из него, словно из гигантского котла, вырвался кипяток, заливший весь юго-восток. Крым внезапно присоединился к России.

Постепенно Тарас стал склоняться к мысли, что пострадал не зря. Нельзя было по-другому поднять народ и вынудить вороватого президента бежать. И все же главной причиной его походов на Майдан была безысходность. Дома жена, которую уволили с работы, и сын.

Пенсию он не получал с конца прошлого года. Дело не в том, что ее не платили. Супруненко служил в России. Чтобы получить деньги, теперь нужно было ехать в Ростов.

Центр комплектования колонн и команд переместился с Майдана в Октябрьский дворец. Помещение, которое когда-то служило библиотекой, было заполнено людьми самого разного возраста и социального происхождения. Здесь толпились студенты, безработные, пенсионеры и даже личности, опустившиеся на самую низшую ступень социальной лестницы. Тарас уже знал многих не только в лицо, но и по именам и кличкам, некоторых угадывал по голосу. Вся эта публика крутилась вокруг площади Независимости с самой зимы, перебегала из одной группы в другую.

В помещении стоял гул недовольных и заспанных голосов. Кто-то звал какого-то Михася. В воздухе витали запахи немых тел, одеколона, табака, чеснока и перегара. Одни пришли непосредственно с Майдана, проведя там не одну ночь, а то и месяц. Другие съездили после ночных акций домой и вернулись.

Большинство этих людей давно перестало понимать смысл времяпровождения на холодном пронизывающем ветру или под палящими лучами солнца. Вопрос о вступлении в Европейский союз вроде как решен, негодный президент свергнут. Но толпа каждый день вываливалась на улицы. Люди поддавались массовому психозу, по команде невидимого дирижера начинали скандировать лозунги и речевки, доводить себя до иступления, размахивать флагами Украины.

– Фамилия? – Крепыш по прозвищу Глобус, сидевший за столом, поднял взгляд на Тараса.

– Супруненко, – представился тот.

Глобус что-то записал на листке, лежащем перед ним, и спросил:

– Адрес и семейное положение?

– Это еще зачем? – Тарас разозлился, хотя на этот вопрос ему приходилось отвечать чуть ли не каждый день.

– А вдруг тебе здесь голову проломают, кому сообщать? – вопросом на вопрос ответил Глобус.

– Женат, – сказал Тарас и продиктовал адрес, заранее зная, что никто в случае чего даже не попытается позвонить Олесе.

– В армии служил?

Тарас утвердительно кивнул.

– Военская специальность?

– Я офицер. – Он оглянулся на парней, стоящих позади. – Десантник.

– Звание? – Глобус с интересом уставился на Тараса.

– Подполковник.

– Где проходил службу?

Тарас с шумом перевел дыхание.

– В России.

– Что? – Глобус переменялся в лице. – Ты украинец?

– Конечно, – кивнул Тарас. – Только кто же тогда знал, что все так обернется?

– А может, это предатель? – неожиданно пробасил кто-то над самым ухом Тараса.

– Брось, – отмахнулся Глобус. – Просто он ошибся и сейчас хочет все исправить. Правильно?

– За полгода уже исправил. – Тарас усмехнулся.

– Пойдешь с Кравчуком, – решил Глобус. – Сегодня снова требовали очистить Майдан. Возможно, милиция лютовать начнет. Будете в резерве.

Тарас вышел на улицу. Кравчука он знал, видел на Майдане. Тот появлялся там в окружении парней в масках, вооруженных битами и обрезками арматуры. В отличие от большинства мужчин, приехавших с Западной Украины, Кравчук не брил голову. У него были длинные, до плеч, волосы, которые перед потасовками он стягивал на затылке резинкой. Сейчас этот субъект стоял слева от входа, накинув на голову капюшон ветровки, и о чем-то говорил с длинноногой женщиной, в руках у которой были блокнот и ручка.

Тарас подошел ближе.

– Ты ко мне? – поймав на себе его взгляд, спросил Кравчук.

Тарас утвердительно кивнул.

– Оружие есть?

– Нет.

– Я тебя помню, – неожиданно сказал Кравчук. – Ты уже с нами был.

– Был, – эхом подтвердил Тарас.

– Давайте я вас запишу! – пропищала женщина.

– Погоди записывать! – раздался сзади знакомый голос Глобуса.

Тарас обернулся.

Координатор стоял рядом с коренастым мужчиной в джинсовой куртке.

– Вот он. – Глобус показал рукой на Тараса. – Как ты и просил.

Супруненко почувствовал, как предательски затряслись его руки, а во рту пересохло. Нет, сейчас ему ну никак нельзя оказаться в казематах СБУ. Он не боялся ни пыток, ни побоев. Страх был только за семью. Кто им поможет? Что они будут есть?

– Офицер, говоришь? – Мужчина прищурился, смерил Тараса взглядом. – Специалисты нам нужны.

– Кому?

– Стране, – с пафосом выпалил Глобус.

«Хрен редьки не слаще!» – подумал Тарас.

Мужчина вынул блокнот, подошел к нему и заявил:

– Паспорт давай!

– Скажите хоть куда?..

– Добровольцем пойдешь, – огорошил его мужчина. – Ты ведь сам заявил о желании встать в ряды украинских вооруженных сил, – заученно сказал мужчина. – Или что-то имеешь против?

Тарас лишь развел руками. В армию он не собирался, но прекрасно знал, чем заканчиваются попытки уклониться от службы.

Документы Тараса исчезли в кармане незнакомца.

– Но у меня жена и ребенок, – обрел дар речи Тарас. – Мне надо утрясти свои дела...

– Суток хватит? – что-то карябая в своей записной книжке, спросил мужчина.

– Что? – Тарас не сразу понял, о чем речь.

Мужчина вырвал листок и протянул ему.

– Если остановят, покажешь, а паспорт пока побудет у меня.

Супруненко посмотрел на клочок бумаги и к своему удивлению обнаружил, что это бланк с печатью, очень похожий на увольнительную записку. В нем были полностью указаны его имя, фамилия и адрес. В верхнем левом углу стояли число и дата возвращения. На следующий день он должен прибыть в пункт сбора, расположенный в военкомате Днепропетровского района на улице Николая Лебедева.

Глава 4

Пока свободен

Булат стоял перед зеркалом и разглядывал свое лицо. Раньше он как-то не придавал значения внешности. Выбрит, умыт, аккуратно подстрижен – и достаточно. После сорока ни к чему расфуфыриваться. Однако слова продавщицы заставили его задуматься об отношении к жизни.

«Действительно, чего это я так расклеился? Сорок лет – еще не тот возраст, чтобы ставить на себе крест, – оттягивая нижнее веко, думал он. – Вот и сосудистая сеточка почти не проходит. Да и тяжесть в правом боку начинает тревожить. «Все, сегодня последнюю бутылку беру и на ней останавливаюсь, – решил он, однако тут же усмехнулся собственным мыслям. – И какая по счету последняя она будет после увольнения? Нет, Булат, ты окончательно спившийся человек».

Он попытался подсчитать, сколько времени не притрагивался к спиртному после увольнения из армии. Вышло, что не больше года, пока работал инструктором парашютистов в клубе под названием «Зенит».

Там же закрутился у него романчик с одной из подопечных дам. Светлана в свои тридцать с хвостиком решила прыгнуть в тандеме. Так уж получилось, что они приземлились в кровать. Он не спрашивал ее о прошлой жизни. Однако та сама однажды ранним утром заявила в гости и оказалась самой что ни на есть настоящей. Супруг этой дамочки был старшим помощником капитана корабля.

Булат усмехнулся, вспомнив, как спускался по балкону с третьего этажа и переполошил соседей, живших внизу. Хозяин той квартиры решил, что это вор, и выпустил на свой балкон овчарку.

На улице было тепло. Уставшее солнце опустилось за высотные дома. Легкий ветерок шуршал листвой деревьев.

Булат не заметил, как сзади подкралась черная дорогушая иномарка. Она практически бесшумно катилась следом за ним, пока он не оказался на пустыре, отделявшем магазин от двора. Лишь звуковой сигнал заставил его обернуться. Вид четверых мордovorотов, опирающихся на открытые дверцы машины, заставил отставного подполковника приунуть.

– Вам чего? – спросил он, догадываясь, что это, скорее всего, и есть те самые неприятности, о которых говорил участковый.

– Нам тебя, – спокойно ответил кучерявый брюнет с кольцом в ухе.

– По какому вопросу?

– Один человек хочет тебя видеть. – Кучерявый парень посмотрел на бритоголового верзилу, стоявшего по другую сторону машины, и распорядился: – Баян, пересядь назад!

Тот безропотно подчинился.

Парни, уверенные в том, что Булат непременно займет место рядом с водителем, забрались обратно в машину, оставив дверцу открытой.

«Может, рвануть через пустырь? – подумал он и улыбнулся своим мыслям. – Не пойдет. Выглядеть будет смешно. К тому же они все равно найдут способ доставить меня к хозяину. Только это будет уже грубо, с побоями. Хотя, может, и нет у них сейчас задачи везти тихо спивающегося молодого пенсионера к этому Пекарю. Доставят куда-нибудь в безлюдное место и наваляют так, что мне снова придется преть на больничной койке».

Булат решительно направился к машине.

– Что у тебя там с Пекарем случилось? – трогая машину с места, спросил кучерявый тип.

– А он не сказал? – Булат щелкнул замком ремня безопасности.

– Нет, только назвал адрес и описал тебя.

– Ничего не случилось. Просто мы давно дружим.

Дальше они ехали молча. Нет, его не повезли за город или в какой-то полупустой цех остановившегося завода, а высадили перед офисом строительной компании.

Когда Булат появился в кабинете, Пекарь молча отодвинул от себя какие-то бумаги, вышел из-за стола и встал напротив. Некоторое время они глядели друг другу в глаза.

– Что, так и будем молчать? – Булат посмотрел на часы. – Не действует на меня твой гипноз.

Пекарь развернулся, прошел за стол, снова уселся в кресло и сказал:

– Поначалу я хотел тебя хорошенько проучить.

– Что мешает?

– Прежде чем гробить человеку здоровье, я узнаю о нем все. – Пекарь с шумом перевел дыхание. – А то мало ли. Получится как у Дантеса с Пушкиным. Не ровен час, потомки проклянут.

– Я же пьянчужка, – напомнил ему Булат.

– А я свои слова обратно не забираю, – задумчиво глядя на него, сказал Пекарь. – Только ты особенный пьяница. Не поднимается у меня рука мстить офицеру ГРУ.

– Премного благодарен. – Ломая голову, как Пекарю удалось узнать, кто он, Булат картинно прижал руку к груди и слегка поклонился.

– Не ерничай! – Пекарь нахмурился. – Работа нужна?

– Многообещающее начало, – заявил отставник и неожиданно снова вспомнил разговор с продавщицей. – А что делать надо?

– Для начала не пить неделю. – Пекарь склонился над бумагами, заглянул в компьютер, потом снова посмотрел на Булата. – Пока свободен.

– А...

– Тебя найдут, – догадавшись, что интересуется нового сотрудника компании, заявил Пекарь.

Глава 5

Новая семья

У недавно построенного здания с синей крышей толпился народ. Негромко переговаривались мужчины, из сквера доносились завывания и причитания женщин. Двое молодых парней нервно курили у входа. У всех с собой были небольшие рюкзаки или потрепанные спортивные сумки.

– Тут как, вызывают или надо самому куда-то идти? – спросил Тарас у мужчины, сидевшего на чугунном ограждении.

– Сейчас будет построение, – сказал тот, покосился на входную дверь и сплюнул на асфальт. – Зачитают списки, сверят с прибывшими, отметят дезертиров и разобьют по командам.

– Послушай! – Тарас видел, что мужчина уже знаком с местными порядками, и протянул ему листок, полученный на Майдане. – У меня вместо повестки вот что.

– И где ты такое получил? – Мужчина вернул бумажку. – Не на Майдане случайно?

– Там, – подтвердил Тарас, убирая документ. – Откуда знаешь?

– Приходилось видеть похожие. Наверняка у тебя и личное дело не здесь?

– Точно! – подтвердил Супруненко. – Так ты здесь не первый раз?

– Не первый, – подтвердил мужчина.

– И что, никак не призовут?

– Еще чего! – Мужчина поплевал через левое плечо. – Я соседа привез. – Он показал взглядом на увальня с пластиковым пакетом в руках, стоявшего рядом. – А до этого сына отсюда отправил.

– Куда он попал?

– В смысле? – Мужчина поднял на него странный, уставший взгляд.

– Кем служит?

– Пушечным мясом, ясно кем! – в сердцах воскликнул новый знакомый. – А тебя чего призвали? Вроде уже не молодой.

– Сорок с хвостиком.

– Угу, – протянул мужчина. – Значит, хвостик небольшой. Хотя выглядишь старше.

– Жизнь такая. – Тарас сокрушенно вздохнул.

– Заканчивай перекуры и прощание! – раздался бодрый голос. – Всем строиться!

Тарас посмотрел в сторону выхода из военкомата. На ступеньках крыльца стоял молодой мужчина в форме с погонами майора.

Голоса усилились. Все пришли в движение. Призывники стали стягиваться к центру бетонной площадки.

– В две шеренги становись! – скомандовал майор.

– Не пуцу! – Неожиданно у крыльца возникла молодая женщина.

Черные волосы разметались по ее спине.

Она схватила офицера за рукав и закричала:

– Куда забираете? Зачем? Кто велел?

– Приказ главнокомандующего! – гаркнул майор, освобождаясь от рук женщины.

– А у него сын служит? – наседала женщина.

– Не знаю. – Майор отшатнулся от нее. – Он к другому военкомату приписан.

– А твои дети? – допытывалась женщина.

– Им еще рано. – Майор попытался спуститься с крыльца и подойти к строю, однако к нему навстречу устремились еще две женщины и старик.

– Нет, вот ты, сынок, объясни! – Дедуля потряс палкой. – На каком таком основании моего внука спустился всего лишь год снова призвали?

– Всегда здесь так? – Тарас перевесил дорожную сумку на другое плечо.

– Это еще что! – протянул мужчина. – На прошлой неделе подполковника и депутата какого-то вообще чуть не разорвали. Милиция насилу отбила.

Тарас встал на левый фланг.

Между тем вокруг майора собралась уже целая толпа. Женщины кричали, хватили офицера за руки, трясли, наседали сзади. Кто-то дважды ударил его по спине газетой, свернутой в трубку.

Майор сначала пытался что-то говорить, потом вырвался из толпы, взбежал на ступеньки крыльца и крикнул:

– Тихо!

Возмущенный народ подступил ближе.

Воспользовавшись паузой, офицер поднял над головой папку и ткнул в нее пальцем.

– Здесь список тех, кто должен прибыть. Его мне только что вручили. Не я выбирал, кого призвать.

– А кто? – хором завопила толпа.

– Есть мобилизационный план, который готовился давно. – Его голос сорвался на фальцет.

Он кашлянул в кулак и продолжил уже тише:

– По нему мы и работаем.

Неожиданно какая-то женщина возникла рядом с майором и ловко выхватила из его рук папку. Пытаясь вернуть ее назад, он неудачно шагнул с крыльца и рухнул в толпу. Фуражка упала на асфальт. На голову майора посыпались тумаки. Кто-то ударил его сумкой.

Майор необычайно быстро вскочил на ноги. Пунцовый от злости, он неожиданно двинул в лицо мужчине, попытавшемуся вмешаться. Потом на его руке повисла женщина. Офицер с силой развернулся и, словно пушинку, бросил ее на землю.

Тарас сунул свою сумку в руки парня, стоявшего рядом.

– Подержи!

– Назад! – вопил майор, продираясь обратно к строю. – Разойдись!

Женщина продолжала лежать на асфальте.

Супруненко в два прыжка оказался на пути офицера.

– Уйди! – Майор, пунцовый от напряжения, попытался подвинуть Тараса.

Удар кулаком в подбородок опрокинул его на спину. Народ притих и расступился.

– Ну, ты!.. – Майор сел, потрогал челюсть. – Да по законам военного времени...

Тарас подошел к женщине, которая пыталась встать, подхватил ее под руку и потянул вверх.

– Больно! – простонала она.

– Где? – заволновался Тарас.

– Голова, – выдохнула женщина и прижала ладонь к затылку.

На крыльцо высыпали еще несколько военных.

– Что здесь происходит? – Коренастый полковник с веснушчатым лицом и рыжими усами остановил взгляд на майоре. – Парасюк, что за цирк?

Тот встал и отряхнул штаны.

– Я спрашиваю, что за балаган? – Полковник пытался выглядеть строгим, однако было видно, что он понимал суть дела, более того, подобные инциденты для него уже стали обыденными.

– Напал!.. – Майор обиженно шмыгнул носом и показал рукой на Тараса. – Милицию надо вызывать.

– Ты первый начал, – раздался женский голос.

– Точно, вон женщину как уронил! – подтвердил старик.

Майор поднял с асфальта фуражку и водрузил на голову.

– Провожающих прошу отойти к ограждению сквера! – потребовал полковник.

Опираясь на руку Супруненко, женщина огляделась и спросила:

– А где Сашенька?

– Сын, что ли? – уточнил Тарас. – Как же он терпел, когда вас избивали?

Она пропустила его слова мимо ушей.

– Убежал!

– Фамилия?.. – паровозом взревел майор, пытаясь восстановить свой авторитет в глазах начальства, призывников и их родителей.

– Ты никак одурел, начальник. – Супруненко убрал руку женщины с предплечья и встал между ней и этим хамом, нависшим сверху.

– А ты пошел прочь! Хотя нет. – Майор неожиданно схватил Тараса за отвороты пиджака. – Ты ответишь, собака!..

От удара коленом в пах майор поперхнулся, рухнул на колени и уткнулся лицом в живот противника.

В тот же миг Тарас вскрикнул от боли в суставах и навалился сверху на майора. Милиционеры, взявшиеся невесть откуда, ловко завернули ему руки за спину.

– За что?! – раздались голоса.

– Не того арестовываете!

– Вы чего так долго? – процедил сквозь зубы майор, с трудом вставая. – Договаривались на девять.

– Бензина нет, пешком шли.

Тарас понял, что милиция должна была подойти до построения, но опоздала. Он оглянулся. Сзади стояли еще несколько человек в камуфляже и масках с прорезями для глаз и рта.

«Новый облик Украины», – неожиданно подумал он и повеселел.

Тараса проволокли мимо полковника и офицеров, стоявших рядом с ним, затащили в военкомат и усадили на скамью напротив окошка дежурного.

– Довыпендривался? – Рослый сержант снял фуражку и утер пот со лба. – Сейчас загремишь по полной.

– Не загремлю. – Тарас покачал головой. – Я за женщину вступился.

– За какую? – спросил напарник сержанта в камуфлированной куртке и штанах. – Ту, что с тобой стояла?

Послышались шаги, и милиционеры повернули головы в сторону входа. К ним подошел паренек с сумкой Тараса и поставил ее на скамью рядом с ним.

– Это что, бомба? – пошутил сержант.

– Его вещи. – Парень показал взглядом на Тараса, круто развернулся и направился прочь.

– Фамилия задержанного случайно не Супруненко? – слышалось с улицы.

– Задержанный! – Сержант ткнул Тараса в лодыжку носком башмака. – Как фамилия?

– Супруненко, – сказал арестант. – Но я лучше с вами.

– Куда? – осведомился сержант.

– В тюрьму, – продолжал дурачиться Тарас. – Если избитого майора недостаточно, то я сейчас еще кому-нибудь навалюю.

– Ты что, так откосить решил?! – восхитился милиционер в камуфляже.

– Лучше лет на пять к вам, а потом домой, чем на тот свет. – Тарас встал.

– Супруненко у вас? – вновь крикнули с улицы.

– Здесь, – подтвердил сержант и перевел взгляд на задержанного. – Ты бы не дурил!..

Тарас молча подхватил сумку и вопросительно посмотрел на милиционеров.

– Вы что, меня арестовывать не собираетесь?

Они переглянулись.

– Иди, – выдохнул сержант и водрузил фуражку на голову. – Воевать некому. Черта лысого тебя сейчас отсюда выпустят, даже если ты самого военкома побьешь.

Тарас вышел на крыльцо.

– Супруненко? – строго глядя в глаза, спросил военком.

– Он самый. Документы показать?

– Иди, за тобой приехали. – Полковник посмотрел на мужчину в черной куртке и штанах того же цвета, стоящего в тени деревьев.

– А ты резвый, – констатировал этот человек, разглядывая Тараса. – Я все видел.

– Почему не помог? – нагло спросил Тарас.

– Только давай на «вы», – одернул его мужчина. – Моя фамилия Гончарук. С сегодняшнего дня я твой командир.

– Я и сам догадался.

– Пошли! – Гончарук, уверенный в том, что призывник последует за ним, развернулся и направился к автостоянке.

Тараса так и подмывало спросить данного типа, какое у него звание и должность.

– А как к вам обращаться? – осмелился он.

– В каком смысле? – Гончарук замедлил шаг.

– Но не по фамилии же, – пояснил Тарас. – Я, например, подполковник.

– Это не имеет никакого значения, – ошарашил его Гончарук. – Многие офицеры сейчас занимают должности сержантов.

– А что за часть?

– Там видно будет. Пока мы просто посмотрим, что ты из себя представляешь.

– Это как? – насторожился Тарас.

– Преданность своему народу надо доказать, – уклончиво ответил Гончарук и показал на небольшой микроавтобус.

Тарас не успел подойти к двери пассажирского салона, как она мягко открылась. Он вошел внутрь. Здесь работал кондиционер. Сзади дремали двое крепких парней. В первом ряду сидел рослый мужчина примерно одного возраста с Тарасом.

– Здравствуйте! – пригнувшись, поприветствовал всех новобранец и устроился в кресле рядом с выходом.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина, который явно был здесь старшим.

– Тарас, – представился он и протянул руку.

– Я заместитель командира, – проигнорировав рукопожатие, заявил тот. – Фамилия моя Титович. Но у нас не принято обращаться друг к другу по именам. Зови просто Тит. – Он оглянулся, убедился в том, что парни на месте, и представил их: – Тот, что справа, Назар Шуфрич. Рядом с ним Иванчук.

– Еще кого-то ждем? – осторожно спросил Тарас.

– Уже дождались, – глядя в окно, констатировал Тит.

Двери открылись, и в салон ввалились двое похожих друг на друга парней, одетых, как и все остальные, в форму черного цвета. В руках у них были бутылки с минеральной водой и пластиковый пакет. Они, конечно же, бегали в магазин.

Микроавтобус завелся и медленно тронулся к выезду.

Парни расселись в середине салона.

«Братья», – сделал вывод Тарас и не ошибся.

– А это два брата Овценко. Тот, что постарше, Лелик, второй – Болик. Видел, наверное, мультики?

– Что, Тит, у нас пополнение? – спросил Лелик.

– А ты как будто не знал, зачем мы сюда заезжали, – насмешливо сказал Болик.

– Это Тарас, – представил братьям Тит новобранца. – Бывший подполковник российской армии, так горячо любимой вами.

– И что? – с возмущением протянул Лелик. – На котлеты его берем?

Братья рассмеялись.

– Он давно служил. – Тит повысил голос. – Когда ты, Лелик, еще лялькой был. Не забывайте, что все мы братья и у нас одна цель!

– Понятно. – Болик вздохнул. – Конечно, мы одна семья.

Глава 6

Эпатажный депутат

– Мариша, ты случайно не заболела? – Федор Степанович оторвал взгляд от телевизора, где шел репортаж с линии фронта, и посмотрел на жену.

Она сильно изменилась, перестала шутить и часто выглядела задумчивой. Особенно заметно это стало после его возвращения из Испании. Иногда ему казалось, что супругу подменили, пока он был в командировке.

– Скажи, как долго там будут убивать людей? – тихо спросила Марина, глядя на колонны танков и бронетранспортеров под желто-голубыми флагами.

– Там нет людей, – стараясь выглядеть спокойно, ответил Федор Степанович. – Только террористы.

– Разве на Украине взрывали дома или метро? – ошарашила она его вопросом.

– Они не признали нашего президента и взяли в руки оружие, – строго сказал он. – И как только ты, жена подполковника СБУ, могла сказать такое?

– Я боюсь!.. – Женщина поежилась.

– Чего? – Муж слегка наклонился и заглянул ей в глаза.

– Мне кажется, что все это плохо кончится. – Марина всхлипнула.

– Для кого?

– Для тебя и всей Украины.

– Что ты такое говоришь? – Брови Федора Степановича съехались на середине лба. – Хуже, чем есть, не будет. Москали Крым забрали, теперь хотят руками сепаратистов оттяпать весь наш юго-восток.

– Твой американский друг, находясь у нас на ужине, открыто заявил, что это война Америки с Россией. Она ведется руками нашего народа.

– Он иностранец, плохо говорящий на чужом языке, поэтому просто допустил смысловую ошибку, – попытался убедить ее Федор Степанович. – На самом деле Хайкл хотел сказать, что Америка помогает Украине в войне с Россией.

– Ты, наверное, забыл, что я говорю с ним на английском. – Марина вздохнула.

– Русские пришли на наш юго-восток, – не сдавался ее супруг. – Им не дают покоя промышленный потенциал и залежи сланцевого газа, обнаруженные там. Вот и все! Едва Украина заключила договор с американцами на их разведку и добычу, как москали устроили войну.

– Ливия, Тунис, Ирак, Сирия, – перечислила она. – Посмотри, что теперь там творится! Катастрофа везде, куда Америка сует свой нос!

– Тебе-то что? – разозлился подполковник СБУ.

– Страшно. – Марина сильнее прижалась к нему. – Война это самое плохое.

– Конечно, – согласился Федор Степанович. – Но нам не оставляют выбора! Разве... – Он осекся.

В памяти Морочко вновь всплыл спор между ним и Рахильским.

«Зачем я тогда разоткровенничался? – подумал он. – Вдруг этот умник уже доложил куда следует о нашем с ним разговоре?»

Федор Степанович непроизвольно окинул взглядом стены комнаты. Тревога не покидала его с того самого дня. Он и сейчас говорил больше не жене, а тем, кто его теперь наверняка подслушивает. В том, что это именно так, Федор Степанович был уверен.

– Насколько мне известно, сланцевый газ есть в Польше и других странах Европы, – вернулась к началу разговора жена. – Но там отказались от его добычи из-за большого вреда для экологии и людей. Еще он дорогой...

– Брешут! – нервно перебил ее Федор Степанович. – Просто у них его мало, к тому же в Европе большая плотность населения. В районе Луганска сконцентрировано около десяти процентов всех мировых запасов. Теперь по поводу вреда для людей. – Морочко с шумом вздохнул. – Разве там они есть? Одни москали! Кто не убежит в Россию, тех отравим или перестреляем.

– Мы ведь когда-то жили в Донецке, – с укором напомнила Марина. – Кем бы ты был, если бы не имел таких знакомых?

Супруга не стала называть имена, но Федор Степанович знал, о ком речь. Заводы, шахты, металлургические предприятия страны принадлежали небольшой группе лиц, среди которых был и его одноклассник Коломский. Разбогатец, он потянул за собой Федора Степановича, протолкнул его сначала в местные органы власти, потом – в СБУ.

– Твой Коломский не подчиняется даже президенту, – продолжала жена. – Посмотри, как его все боятся!

Федор Степанович вдруг встал.

– Ты куда? – встрепенулась жена.

– Мне надо позвонить.

На улице было тепло и тихо. Лишь где-то грустно пел сверчок, да едва слышно шелестели крыльями в свете фонарей ночные бабочки. Пройдя по дорожке вглубь сада, Федор Степанович достал телефон и набрал номер Ливчука.

Заштатный журналист по кличке Ливер привлек внимание СБУ своей нетрадиционной сексуальной ориентацией еще в девяностых. Долгое время данное обстоятельство позволяло держать Ливчука на коротком поводке и лепить из него чудовище. Проект удался. Сейчас СБУ получило универсальный инструмент в лице этого негодяя, ставшего депутатом, и движения «Правый сектор», созданного им.

Эпатажный политик с наполеоновскими амбициями в угоду карьере не брезговал ничем и был готов на любые жертвы. Практически ни один скандал и драка в Раде не обходились без его участия. Ливчук был организатором расстрелов пикетчиков на Майдане и демонстрантов на Институтской. Его стараниями бесследно исчезали журналисты, бизнесмены и политики, не угодные новой власти.

– Слушаю!

– Это Морочко.

– Замечательно! – радостно протянул депутат. – Рад вас слышать! Как здоровье?

– Неважно. – Федор Степанович оглянулся на крыльцо, где маячил охранник, и заговорил тише. – Один человек меня беспокоит. Как бы решить вопрос с ним?

– Нужно встретиться и обсудить, – ответил Ливчук. – Скажите место и время.

– Давай я сам тебя найду, – предложил Федор Степанович.

– Идет! – Ливчук даже отчего-то обрадовался.

На следующий день машина Федора Степановича подъехала к выезду из гаража, расположенного под элитной новостройкой, и встала.

Почти сразу рядом мягко скрипнул тормозами джип Ливчука.

Тот выбрался из него и сказал:

– Доброго здоровья, Федор Степанович!

Подполковник СБУ посмотрел на водителя и приказал:

– Погуляй пока!

– Рад, что мы будем работать вместе, – заявил депутат, расплылся в улыбке, перебрался в машину Морочко и обдал его запахом дорогого одеколона.

«А я так сказать не могу», – мысленно ответил ему Федор Степанович, вздохнул и спросил:

- Торопишься?
- Через час у меня встреча, – подтвердил депутат.
- Есть такой Рахильский...
- Это который еврей?! – миг переменившись в лице, уточнил Ливчук. – Кажется, Арон Александрович?..
- Точно! – обрадовался Федор Степанович и тут же насторожился. – Вы случайно не друзья?
- Сплюнь! – Ливчук нахмурился. – Я и еврей? Ты меня обидел.
- Извини. – Федор Степанович виновато улыбнулся.
- И что эта гнида сотворила?
- Почему гнида? – Федор Степанович, обрадованный реакцией яркого националиста, сделал вид, будто удивился. – Хотя ты прав.
- Рассказывай! – Ливчук словно школьник сложил руки на коленях и приготовился слушать.
- Ты, наверное, знаешь, что при СБУ имеется консультативный отдел...
- Да, конечно. – Ливчук выразительно кивнул. – Там даже есть мои хорошие друзья: Том Джерриксон, Майклоф...
- «Наверное, тоже педерасты. А чего удивляться? Не будь ты голубым, и мы не обратили бы на тебя внимания», – подумал Федор Степанович, а вслух сказал:
- Эта, как ты выразился, гнида, тоже в него включена.
- От Израиля, что ли? Везде пролезут! Никуда без них!
- В Израиле у него много родственников. Рахильский регулярно их навещает, – продолжал Федор Степанович. – Нас заинтересовало, почему он практически всегда ездит через Москву.
- И что? – Ливчук заерзал.
- А ты как думаешь? – Федор Степанович прищурился.
- Еврей работает на москалей!..
- И имеет там счет, на который после каждого визита поступают приличные суммы, – договорил Федор Степанович.
- Вот оно что! – Ливчук ударил себя по колену и посмотрел вперед. – Убивать таких надо. Медленно! Я бы прямо на площади колы вкопал и всех сажал на них.
- Я недавно ездил с ним в командировку. – Федор Степанович видел, что депутат созрел, и перешел к главной части разговора. – Там у нас с ним состоялся серьезный разговор. Рахильский был предельно откровенен и признался, что работает на русских. Он сделал это на трезвую голову и заявил, что если я попытаюсь это доказать, то у меня возникнут проблемы, поскольку у него хорошая репутация среди американских коллег.
- Ливчук молчал.
- Я знаю, какую роль ты и твои люди сыграли зимой, – осторожно продолжал Федор Степанович. – Вы работали безупречно. Все, начиная с расстрела демонстрации на Институтской и стрельбы на Майдане, – просто классика.
- Ты хочешь, чтобы его не стало? – задумчиво спросил Ливчук.
- За ним стоит Коломский, – предупредил Федор Степанович. – Что задумал олигарх, непонятно даже президенту.
- А может, они вместе что-то задумали, а непонятно СБУ? – выдвинул свою версию Ливчук. – Так ты хочешь, чтобы этот еврей пропал без вести? – напрямую спросил он.
- Какой? – Федор Степанович испугался, что Ливчук неправильно его понял.
- Если так, то в скором времени на официальном сайте олигарха Коломского появится некролог.
- Сам же сказал, Рахильский.

– Точно! – Федор Степанович достал из кармана платок и стал вытирать пот, обильно выступивший на лице потом. – Денег у меня нет. Как тебя отблагодарить?

– Ты же знаешь, я для тебя даром все готов сделать, но людям надо семьи кормить.

– Я понял. – Федор Степанович кивнул. – По одному из дел, которые висят за моим отделом, проходит не самый бедный дом под Киевом, на который наложен арест. Документы получишь и продашь.

– Богато платишь, – заявил Ливчук.

– Ты же еще его не видел. – Федор Степанович усмехнулся. – Поэтому в самый раз будет. Как собираешься все сделать?

– Есть у меня хорошие ребята, – уклончиво ответил Ливчук. – К тому же надо одного новенького в деле проверить.

– Как это? – не понял Федор Степанович. – Ты к Рахильскому что, батальон хочешь отправить?

– Почему же батальон? – Ливчук загадочно улыбнулся. – Небольшую группу для особых поручений. Через нее мы пропускаем кандидатов на командные должности в национальную гвардию и спецбатальоны. Сейчас, сам знаешь, всех проверять надо. Особенно тех, кто раньше у москалей служил. Своих-то специалистов уже не хватает.

– Это я знаю. – Федор Степанович с горечью вздохнул. – Только не нравится мне, что ты сразу несколько человек собираешься задействовать. Одному, в крайнем случае двум, рот легче заткнуть.

– Не бойся. – Ливчук ударил ладонью по спинке переднего сиденья. – Хлопцы надежные. Да и кому в голову придет хвалиться убийствами?

– А новенькие?

– Новенький, – поправил его Ливчук. – Одного подполковника из запаса призвали и сейчас проверяем.

– Все равно. – Федор Степанович поежился. – Непокойно мне что-то.

– Все будет нормально! – заверил его Ливчук. – Я ведь их тоже долго использовать не собираюсь. Скоро всех в зону АТО отправлю. Формируем еще один добровольческий батальон. Так что все там и сгинут. Ну а здесь наберу новых.

Глава 7

Смотрины

Булат сдержал слово и больше не пил. Отчего-то такой подвиг на этот раз дался ему легко. На третий день он быстрым шагом прошел несколько кругов по школьному стадиону, вернулся домой и пару десятков раз отжался от пола. Конечно, это далеко не тот уровень, что был раньше, однако и не полная деградация. Кирилл знал, что быстро придет к норме.

На следующий день он отправился в бассейн, где максимально выложился, а в субботу с трудом поднялся с постели. Мышцы ныли. Но это была приятная и привычная боль. Первую половину дня отставник посвятил наведению порядка в квартире, вторую – бане.

В воскресенье он побегал трусцой, позанимался с гантелями. Все в меру и постепенно. Нельзя вот так сразу рвать себя. Булат прекрасно понимал, что последствия его возлияний будут давать о себе знать еще как минимум полгода.

Сегодня он был разбужен не будильником, а звонком сотового телефона.

– Да!

– Это Цыган. Жду внизу.

На сборы ушло чуть больше десяти минут. За это время Булат успел умыться, побриться, выпить стакан кефира, закусить его ломтем хлеба и одеться.

– Ты в машинах разбираешься? – выезжая на шоссе, спросил Цыган.

– Смотря в каких, – ответил Булат, глядя на мальчишек, перебегающих дорогу. – Иномарки не особо знаю. Но разберусь быстро, если что.

– Водил давно? – Цыган бросил на него испытующий взгляд.

– Да не так чтобы очень, – ломая голову, почему он спрашивает, ответил Кирилл.

Цыган остановил машину.

– Выходи.

– Зачем?

– Поменяемся местами. – Цыган толкнул дверцу.

– Это экзамен? – пристегивая ремень, спросил Булат.

– Что-то в этом роде.

Булат повернул ключ в замке зажигания и вопросительно посмотрел на Цыгана.

– Куда?

– Пока прямо.

Вскоре они выехали из города. Через десяток километров Цыган приказал свернуть на лесную дорогу. Узкая полоска асфальта, разрезавшая лес, кончилась за небольшим поселком, и машина оказалась на грунтовке. По корпусу стали стучать ветви сосен, разморенных жарой.

– Далеко еще? – не удержался Булат.

– Уже приехали, – глядя на дорогу, сказал Цыган. – Стой.

Отставник огляделся. Они оказались на берегу небольшого озера, наполовину заросшего камышом и осокой. Его часть, свободная от водорослей и зелени, упиралась в небольшой песчаный пляж. У берез под навесом стоял стол, сколоченный из досок.

Рядом с машиной возникли трое подростков с граблями и лопатой.

– Это еще что за явление? – выбираясь из-за руля, с недоумением спросил Булат.

Цыган навалился на дверцу, оглядел берег.

– Как всегда, – сказал он пацанам.

– Сколько платишь? – осведомился веснушчатый паренек в армейской кепке.

– По триста на нос.

– Не пойдет! – Самый маленький член этой странной команды возмущенно надул губы. В отличие от своих старших друзей у него в руках ничего не было.

– Почему? – Цыган вскинул брови.

– Инфляция! – с серьезным видом пояснил паренек. – По пятьсот, или мы уходим!

– Хорошо, – переглянувшись с Булатом, согласился Цыган. – Приступайте.

– Что все это значит? – глядя вслед мальчишкам, спросил Кирилл.

– Скоро сюда заявится Пекарь со своим семейством. К этому времени мы должны очистить песок от мусора, убрать вокруг столика прошлогоднюю листву, подлатать навес, – стал перечислять Цыган. – Потом обойдем окрестности и позаботимся о том, чтобы здесь случайно не оказалось посторонних личностей. Инструмент в багажнике.

– Я что, типа прислуги? – Булат даже растерялся.

– Почему? – вскинул брови Цыган. – На Пекаря многие имеют зуб. Поэтому места для отдыха он выбирает малоизвестные, в глуши. Не всякому доверяет свою безопасность. Он просто попросил меня привезти тебя сюда.

Когда на дороге появился джип Пекаря, самый младший из помощников Цыгана ровнял граблями подходы к мосткам.

Пекарь в майке и шортах оглядел берег, самодовольно хмыкнул и сказал бывшему офицеру:

– Смотрю, Цыган и тебя уговорил на общественные работы.

– Чего без дела сидеть? – Булат забросил топорик в инструментальный ящик и отряхнул руки. – Только какие же они общественные?

– А разве здесь потом эта ребятня не отдыхает? – удивился Пекарь. – Они больше для себя прибираются.

Подъехала еще одна машина. Из нее выбежали двое мальчишек, вслед за которыми появилась невысокая темноволосая женщина. Это была Татьяна, жена Пекаря.

Фаза и Баян выгрузили на траву сумки, закрыли багажник и потащились к столу, рядом с которым Цыган собирал мангал.

Наблюдая за суетой, Пекарь о чем-то напряженно размышлял.

– Все нормально? – спросил Булат и заглянул ему в глаза.

– Хорошо, – как-то мягко сказал Пекарь. – Пошли за стол.

Дети уже плескались в воде, а их мама в купальнике улеглась на раскладной шезлонг.

Они уселись напротив друг друга.

– Я думал, у вас с женой только один ребенок, – сказал Булат.

– А у тебя дети есть?

– Один сын. – Кирилл отстранился от стола, давая возможность Баяну расставить тарелки. – Живет с матерью. Мы развелись давно.

– Не собираешься новую семью заводить? – спросил Пекарь, когда Баян вернулся к мангалу. – Время быстро летит, а одиночество в почтенном возрасте тяжелая пытка.

– Я в курсе. – Булат улыбнулся, поймав себя на мысли о том, что смотрит на Татьяну.

Он отвел взгляд в сторону и сказал:

– Пока не встретил ту единственную...

– Понятно.

– Ты, кстати, откуда про мое военное прошлое узнал? – осторожно спросил Булат.

– Проще некуда. – Пекарь смахнул со стола невидимые крошки. – Причиной твоего увольнения была болезнь, вернее сказать, ранения, которые ее вызвали. Я попросил знакомого военного навестить вашу поликлинику. В твоей медицинской карте имеется свидетельство о болезни, а в ней указан номер части.

Визг мальчишек отвлек их внимание. Но если Пекарь посмотрел на детей, брызгающихся водой, то Булат вновь облизал взглядом бедра и грудь его жены.

Он мысленно отчитал себя за слабость и отвернулся. Теперь его взгляд уперся в широкую спину и зад Баяна. Тот на корточках сидел под кустом и резал помидоры над тазиком, стоявшим на земле.

Пекарь продолжал расспрашивать Булата о его жизни. За разговором они не заметили, как запахло шашлыком, а стол украсили бутылки с вином и разные закуски.

Супруга обвязала вокруг талии прозрачную накидку, подошла к столу вместе с сыновьями и сказала:

– Дети, не шуметь!

Ее бархатистый голос еще сильнее взволновал Булата. Ему вдруг показалось, что она украдкой посмотрела на него и улыбнулась. Отставному офицеру отчего-то стало стыдно. Что подумала эта женщина? Наверняка Пекарь перед выездом похвастал ей, что место отдыха для них готовит бывший подполковник.

Ему стало тошно. Нужно срочно поставить его на место. Но как? Мысли спутались, а потом и вовсе вылетели из головы. Не зная, как быть, Булат упер взгляд в стол.

Между тем Татьяна подвинула тарелки ближе к детям, дала им вилки. Потом она взяла шампур с дымящимся мясом и выделила по несколько кусков каждому мальчишке.

Наблюдая за ее пальчиками, испачканными жиром, Булат вдруг испытал тоску.

Женщина дала сыновьям хлеба, взяла шампур и надкусила крайний кусок мяса. При этом она испачкала соусом уголки губ. У Кирилла сильнее заколотилось сердце.

Он неожиданно почувствовал прилив жара к лицу, встал и сказал:

– Приятного аппетита.

– Ты не хочешь с нами разделить этот скромный ужин? – удивился Пекарь и посмотрел на супругу: – Татьяна!

– Почему вы уходите? – Она вскинула на него удивленный взгляд.

Булат смотрел в ее глаза и тонул в этом карем омуте.

– Это же семейный ужин, – выдавил он из себя.

– Сережа сказал, что хочет с вами пообщаться, – проговорила женщина. – Поэтому своим выездом за город я в какой-то мере обязана и вам.

Булат посмотрел на Пекаря. Тот едва заметно кивнул, подтверждая слова жены. Теряясь в догадках, Булат сел. Цыган разлил вино и отошел в сторону.

«С чего это мне такая честь? – размышлял Кирилл, спиной ощущая взгляды парней Пекаря, в обязанности которых входило поддержание жара в мангале, наполнение бокалов и замена тарелок. – Как бы такое гостеприимство не оказалось частью изощренного издевательства!»

Он взял шампур и стянул с него зубами кусок мяса.

Татьяна отпила немного вина, поставила бокал на стол, взяла в руки салфетку, посмотрела на Булата и спросила:

– Кирилл Андреевич, вы и правда подполковником закончили службу?

Не ожидая вопроса, Булат едва не поперхнулся. Он не мог говорить с набитым ртом, поэтому лишь кивнул.

– А где служили?

Кирилл с трудом сглотнул непережеванный кусок мяса и пробубнил:

– Везде понемногу.

Этот сдержанный ответ словно напугал женщину, и она отвлеклась на детей.

– Макар, Антон, если поели, марш из-за стола! Только купаться не разрешаю.

– Почему? – Макар захныкал.

– После еды вредно.

У стола бесшумной тенью возник Цыган и разлил вино. За разговором незаметно летело время. Солнце, ставшее похожим на гигантский апельсин, до половины погрузилось во мглу

и стало похожим на далекую вспышку ядерного взрыва. Для Булата в этом было что-то знакомое.

Пекарь поднялся из-за стола и посмотрел на супругу.

– Ты не устала?

– Еще нет. – Татьяна улыбнулась уголками губ.

Однако по тому, каким был взгляд, Булат неожиданно подумал, что она не любит мужа.

«А тебе что с того?» – подумал он, разозлился сам на себя и тоже встал.

Пекарь поднял руку и распорядился:

– Баян, принеси к берегу стулья!

Парень устремился к машине и через минуту понесся к берегу, держа в руках раскладные стульчики.

Вскоре Булат и Пекарь любовались закатом с удочками в руках, одновременно наблюдая за поплавами.

– Я так понял, ты что-то хочешь от меня? – напрямую спросил Булат.

– С чего ты взял? – осведомился Пекарь, однако на его лице не было и тени удивления.

Он даже не повернул головы, продолжая наблюдать за поплавком.

– Все это чем-то походит на смотрины, – проговорил Кирилл.

– Я действительно хотел представить тебя семье, – признался Пекарь. – У меня возникла срочная необходимость отъезда на неопределенный срок. В поездке мне будут нужны люди. – Он едва заметно кивнул назад. – Этих я заберу, но кто-то должен остаться здесь. Ты оказался мне самой подходящей кандидатурой. Пьешь от скуки. Вот я и решил приспособить тебя...

– Кем, если не секрет?

– Не секрет. – Пекарь потянул удилице. – За моими присмотришь. Ничего делать не надо. Просто на всякий случай.

– Ты хочешь, чтобы я их охранял? – спросил Булат и вспомнил свои ощущения, возникшие, когда Татьяна оказалась рядом.

– Именно, – подтвердил Пекарь.

Глава 8

Поздние гости

Несмотря на поздний час, в окнах дома Рахильских горел свет. Арон Александрович был сегодня, что называется, в ударе. К полуночи он закончил статью об исторической роли украинцев в Российской империи и тут же в который раз взялся править автобиографию Степана Бандеры.

Его жена Ализа Львовна никогда не ложилась раньше мужа. У нее тоже хватало работы, особенно ночью. В свое время она закончила филологический факультет МГУ, а теперь подолгу работала в Интернете, стала превосходным бойцом на информационном фронте. Имея под рукой не только супруга-историка, но и огромную массу его трудов, она формировала общественное мнение, делала из друзей врагов, из честных людей взяточников, из предателей героев и наоборот. Дергая за кончики Всемирной паутины, Ализа Львовна с легкостью собирала многотысячные митинги, сбрасывала памятники с постаментов, запикивала депутатов в мусорные баки.

Когда напольные часы, доставшиеся Арону от прадеда, пробили полночь, супруги спустились на первый этаж, в гостиную, где Ализа Львовна быстро приготовила кофе.

– Ты зря отпускаешь прислугу домой, – стал отчитывать ее Арон Александрович, когда она поставила на стол чашки с ароматным напитком. – Этих дармоедов и так в два раза больше, чем нужно. Кто-то мог бы и оставаться.

– Ты тоже жалеешь охранников, – парировала она, усаживаясь напротив. – Днем, когда не надо, этих оболтусов полный двор и дом. Сейчас только один.

– Днем их видно, – стал объяснять Арон Александрович. – Поэтому люди думают, что столько же и ночью. Да и кого нам бояться? Охрана просто повышает мой статус в глазах украинцев. Все вокруг видят, что правительство ценит меня.

– Тебя ценит Коломский, – уточнила Ализа Львовна. – А в правительстве не очень жалуют.

– Не замечал. – Муж сделал глоток из чашки и вернул ее на стол.

– Наш народ никогда и нигде не был желанным, – с тоскою в голосе продолжала жена.

– Ты снова за свое? – Арон нахмурился. – Брось! Насмотришься чепухи по телевизору и потом начинаешь придумывать страхи.

– Посмотри, ведь сейчас Украина ничем не отличается от фашистской Германии! – воскликнула Ализа Львовна. – Мне просто противно уже лгать в Интернете. Разве мои дед и бабушка, которых фашисты загнали в карьер и расстреляли, как скот, зараженный сибирской язвой, могли представить себе, что и их внучка спустя много лет будет работать на такую же хунту?

– Кого ты называешь хунтой? Этих идиотов, напяливших на себя повязки с немецкой символикой и восхваляющих Бандеру? Брось. Жалкая пародия на Третий рейх. Можно сказать, фельетон.

– Глянь на того же депутата Ливчука, – не унималась Ализа Львовна. – Он всех, кроме украинцев, считает людьми второго сорта. Даже тех, кто живет на юго-востоке, называет москалями, которых надо вешать, призывает к массовым казням. Тебе как историку это ничего не напоминает?

– Ливчук – шут гороховый, – зло констатировал Арон Александрович. – А весь этот националистический всплеск хорошо заменяет идею.

– Может, уедем? – осторожно спросила жена.

Муж молча допил кофе, встал из-за стола и сказал:

– Уедем, но не сейчас. – Он подошел к лестнице и намеревался подняться в свой кабинет, но шум во дворе заставил его задержаться.

– Что это? – испуганно спросила жена.

– Не знаю. – Рахильский пожал плечами.

В тот же момент послышался сдавленный крик. Он узнал голос своего охранника Николая и вернулся к столу.

На крыльце кто-то затопал. Арон Александрович вздрогнул. Входные двери с грохотом распахнулись, и в гостиную ворвались несколько мужчин в масках с прорезями для глаз и рта. Одинаковая черная униформа с националистическими нашивками и автоматы говорили о том, что это военизированное подразделение одного из тех людей, о которых супруги сейчас говорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.